

ВИКТОР ГРОМОВ

ПРИЮТ
ДРАКОНЫХ
БАСТАРДОВ

ПРИКАЗ
РЕКТОРА

СЛУЖАНКА ПРИЮТА ДРАКОНЫХ БАСТАРДОВ

РЕКТОР,
Я НЕ ВИНОВНА

Виктор Громов

Служанка под судом драконов, или Ректор, который слышит ложь

<https://litres.ru/74381314>

Аннотация

Меня осудили раньше, чем я успела понять, в чьём теле очнулась.

Теперь я — Мира Ланн, служанка закрытого приюта при Академии военных драконов. Ночью отсюда исчез ребёнок, и все улики указывают на меня: мой передник у северных ворот, следы на решётке, детская игрушка в зале дознания.

Ректор Арден Вейр — дракон, который слышит ложь. Он должен передать меня Совету, но вместо этого оставляет в приюте под личным надзором. Потому что, когда я говорю: «Я не забирала мальчика», он не слышит лжи.

Только дети знают правду. Но они боятся взрослых, зеркал и колокола, который забирает имена.

Чтобы спасти их, мне придётся понять, кто прячет наследников драконьих домов, почему меня сделали виновной — и почему сам ректор становится единственным, кому я всё опаснее доверяю. Я не просила этот мир. Не просила чужое тело.

И точно не просила дракона, который смотрит на меня так, будто я либо его погибель... либо последний шанс для детей, которых нельзя было называть по именам.

Содержание

Служанка, которую уже осудили	5
Приют для тех, кому нельзя иметь имя	49
Ректор, который слышит ложь	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Служанка, которую уже осудили

Глава 1. Служанка, которую уже осудили

Меня осудили раньше, чем я успела вспомнить, как дышать.

— За похищение воспитанника Нила, вскрытие северных ворот и пособничество похитителям, — произнёс голос где-то над головой. — Миру Ланн держать под стражей до решения Совета. При попытке бежать или солгать под клятвой — казнить на месте.

Казнить на месте. Эти слова вцепились в сознание прежде, чем я успела понять, чьими лёгкими сейчас пытаюсь дышать.

Первым ощущением был холод камня под щекой. Вторым — вкус крови на губе. Третьим — чужое имя, произнесённое надо мной так презрительно, будто оно уже давно принадлежало не женщине, а грязному пятну на полу.

— Мира Ланн, — сказал мужской голос. — Поднимите её. Мира.

Не Алиса.

Я открыла глаза и увидела сапоги.

Чёрные, начищенные до тусклого блеска, с серебряными застёжками в форме когтей. Потом — край тёмного плаща, мокрый от дождя. Потом — серый каменный пол, в котором отражался свет высоких окон. Всё вокруг плыло, ломалось

на куски, собиралось обратно и снова распадалось. Я попыталась вдохнуть глубже, но рёбра отозвались болью, а горло сжалось так, будто меня долго тащили через холодный ветер.

Кто-то схватил меня под локти и рывком поднял.

Мир качнулся.

Я едва не упала снова, но руки стражников удержали меня с двух сторон. Слишком крепко. Не как поддерживают слабую женщину. Как держат преступницу, которая может броситься бежать.

Я не знала, где нахожусь.

Не знала, что случилось.

Не знала, почему на мне чужое серое платье с белым передником, почему волосы собраны под грубый чепец, почему ладони покрыты мелкими царапинами, а на левом запястье темнеет широкий синяк от пальцев.

Я знала только одно: меня звали Алиса Миронова.

Мне было двадцать девять. В моём мире не было драконов, каменных залов, Совета и людей с мечами у пояса. Там были поздние смены, холодный кофе, переполненный автобус, дождь по стеклу и усталость, от которой хотелось просто дожить до дома.

А потом был свет.

Резкий, белый, ударивший прямо в глаза.

Скрип тормозов.

Чей-то крик.

И тьма.

Теперь же я стояла в огромном зале под сводчатым потолком, где по каменным балкам тянулись вырезанные драконьи крылья. Между колоннами висели чёрные знамёна с серебряными гербами. В дальнем конце зала горел высокий очаг — без дыма, с ровным голубым пламенем, от которого не становилось теплее.

Передо мной за длинным столом сидели трое.

Двое мужчин в тёмно-синих мундирах и женщина с гладко убранными белыми волосами. Все трое смотрели так, будто я уже призналась, подписала приговор и теперь просто задерживала завершение неприятной формальности.

— Наконец-то, — сказала женщина. — Служанки нынче падают в обморок даже перед простым дознанием.

Дознанием.

Я попыталась заговорить, но голос сорвался.

— Где я?

Мужчины переглянулись.

Женщина медленно вскинула брови.

— Удобное начало.

— Я не понимаю...

— Разумеется, — перебила она. — Никто из виновных поначалу ничего не понимает.

Стражник слева сильнее сжал мой локоть. Я резко вдохнула, и боль помогла голове проясниться. Ненамного. Но достаточно, чтобы заметить детали.

На столе лежали бумаги. Верёвка с маленькой серебряной

биркой. Детская деревянная фигурка дракона с отколотым крылом. И кусок ткани — тёмно-зелёный, с вышитой буквой, которую я не знала, но почему-то тело, в котором я очнулась, отозвалось на неё страхом.

Женщина за столом коснулась серебряной бирки кончиком ногтя.

— Верёвка, передник у ворот, следы на решётке и игрушка пропавшего ребёнка, — сухо перечислила она. — Этого достаточно, чтобы Совет не тратил на вас утро. Последнее дознание — милость лорда-ректора, не ваше право.

Не мой страх.

Чужой.

Миры.

— Я ничего не помню, — сказала я осторожно.

Один из мужчин хмыкнул.

— А вчера помнили слишком хорошо, где находится северный выход приюта.

Приюта?

— Какого приюта?

Женщина сложила руки на столе.

— Приюта драконьих бастардов при Академии военных драконов. Того самого, где вы служили последние девять месяцев. Того самого, откуда сегодня ночью исчез воспитанник.

Воздух будто стал тоньше.

Исчез ребёнок.

Я перестала думать о себе.

Не потому что была героиней. Ничего подобного. Я была перепуганной женщиной в чужом теле, с чужим именем, в чужом мире. Но слово «ребёнок» всегда проваливалось в меня глубже любой угрозы. С ним невозможно было оставаться в стороне, даже если тебя саму держали как обвиняемую.

— Кто исчез? — спросила я.

Мужчина справа усмехнулся.

— Какая забота.

— Кто?

Женщина посмотрела на бумаги.

— Воспитанник номер семнадцать. Имя при поступлении отсутствовало. В приюте звался Нилом.

Нил.

Короткое имя ударило неожиданно больно. Не воспоминанием — я не знала этого мальчика. Но тело Миры знало. Внутри что-то дрогнуло, как дрожит рука, когда хочешь удержать падающую чашку и не успеваешь.

Перед глазами мелькнуло чужое, рваное: мальчик лет семи, худой, с рыжеватыми волосами, сидит под лестницей и держит в ладонях деревянного дракона без крыла. Поднимает глаза. Шепчет: «Не говори им». Потом всё исчезло.

Я пошатнулась.

— Нил, — повторила я.

Женщина заметила.

Конечно, заметила.

— Вспомнили?

Я заставила себя поднять голову.

— Нет. Но если ребёнок исчез, почему вы тратите время на меня?

В зале стало тихо.

Один из мужчин резко выпрямился.

— Следите за языком, служанка.

Служанка.

Значит, в этом мире я была Мирой Ланн — служанкой приюта, обвинённой в исчезновении мальчика. Отличное начало новой жизни. Просто блестящее. В прежней меня, возможно, сбила машина, а в этой, судя по лицам собравшихся, уже готовились сбить законом.

— Я спрашиваю не из дерзости, — сказала я, хотя голос всё равно звучал дерзко от страха. — Если Нил пропал ночью, важно понять, кто видел его последним, где стояла охрана, какие выходы были открыты, кто имел ключи, боялся ли он кого-то, хотел ли куда-то идти...

— Достаточно.

Голос прозвучал от дверей.

И весь зал изменился.

Не шумом. Не движением. Наоборот — неподвижностью. Даже голубое пламя в очаге вытянулось выше, будто потянулось к тому, кто вошёл.

Я обернулась.

Мужчина стоял у распахнутых дверей, и первое, что я по-

няля: вот он — тот, кому здесь не нужно повышать голос.

Высокий, широкоплечий, в чёрном мундире без лишних украшений, если не считать серебряного знака академии у воротника: раскрытые драконьи крылья над башней. Тёмные волосы были убраны назад, лицо — резкое, красивое не мягкостью, а опасной точностью линий. Такие лица не просят доверия. Они требуют порядка.

Но страшнее всего были глаза.

Серые. Холодные. Внимательные.

Он смотрел на меня так, будто в моей коже было написано всё: что я прячу, чего боюсь, где солгу и на каком слове сорвусь.

Я уже встречала похожие взгляды в обычной жизни. Не у драконов, конечно. У людей, привыкших решать за других. Только в нём это было усилено чем-то нечеловеческим — скрытой силой, которую он держал под тонким слоем воспитанного спокойствия.

Дракон, поняла я.

И тело Миры дрогнуло не только от страха. От узнавания. Будто этот мужчина уже однажды стоял слишком близко к её жизни — и после этого всё пошло не так.

Не герб. Не прозвище.

Настоящий.

— Лорд-ректор, — быстро произнесла женщина за столом и поднялась. — Мы начали дознание без вас, потому что обстоятельства...

— Я вижу, — сказал он.

Две короткие фразы — и женщина замолчала.

Он прошёл по залу, не торопясь. Стражники у моих локтей напряглись. Я почувствовала это по их пальцам. Мужчины за столом тоже поднялись. Никто не кланялся низко, но каждый будто стал меньше рядом с ним.

Лорд-ректор остановился передо мной.

— Мира Ланн.

Я промолчала.

Сказать «да» было бы признать имя. Сказать «нет» — подписать себе окончательный приговор сумасшествием или самозванством. Поэтому я сделала то, что всегда делала в ситуациях, где не знала правил: стала слушать.

Он чуть прищурился.

— Говорили, вы плакали с утра.

Я моргнула.

— Разочаровала?

Стражник слева втянул воздух сквозь зубы.

Женщина за столом прошептала:

— Ланн...

Ректор не изменился в лице. Только глаза стали внимательнее.

— Вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

— Видимо, не всегда. Я многое не помню.

— Зато быстро понимаете, где ударить.

— Меня держат как виновную в исчезновении ребёнка. Я

имею право нервничать.

— У служанок нет права на тон.

— А у ректоров есть право терять воспитанников?

Тишина стала такой густой, что я вдруг отчётливо услышала каплю дождя, стекающую с плаща у двери.

Вот теперь я поняла, что сказала.

И кому.

Передо мной стоял ректор Академии военных драконов. Властный, опасный мужчина, которого боялись даже те, кто допрашивал меня минуту назад. А я, только что проснувшаяся в чужом теле под обвинением, решила начать знакомство с обвинения в его адрес.

Прекрасно, Алиса.

Если тебя здесь не казнят, то только потому, что не успеют выбрать подходящий способ.

Ректор подошёл ближе.

Стражники отпустили мои руки и отступили сами, без приказа. Я осталась перед ним одна. В чужом платье, со сбитым дыханием, с болью в рёбрах и ужасом в голове. Но отступать не стала. Не из храбрости. Просто ноги не послушались.

— Моё имя — Арден Вейр, — сказал он. — Ректор Академии военных драконов и хранитель приюта. Если вы виновны, я узнаю. Если лжёте, услышу. Если причастны к исчезновению Нила, вы пожалеете, что очнулись.

— До вечернего звона Совет потребует ваше тело и под-

пись под признанием. Я могу задержать их ровно настолько, насколько вы будете полезны поиску. Запомните это, Мира Ланн: выжить здесь — не то же самое, что быть невиновной.

Я должна была услышать только угрозу. Но между его словами было другое: он не отдаст ребёнка удобной версии и не позволит Совету закрыть дело одной служанской смертью. По какой-то безумной причине это пугало не меньше.

Он говорил ровно.

И от этого было хуже.

Я сглотнула.

— А если я не виновна?

Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на разбитой губе, на синяке у запястья. Не с жалостью. С оценкой.

— Тогда вы оказались в самом плохом месте в самый плохой час.

— Это вы так утешаете?

— Нет.

— Жаль. Получилось почти.

Уголок его губ едва заметно дрогнул. Возможно, мне показалось.

— Откуда вы? — спросил он.

— Не знаю.

Правда.

— Кто вывел Нила из спальни?

— Не знаю.

И снова правда.

— Почему у северного выхода нашли ваш передник?

— Не знаю.

— Почему на ваших руках следы от решётки?

Я посмотрела на ладони. На пальцах действительно темнели полосы, будто я с силой цеплялась за металл.

Внутри снова мелькнул чужой обрывок: холодная ночь, дождь, чьи-то маленькие шаги впереди, решётка, захлопнувшаяся перед лицом, и мой — не мой — голос: «Нил, назад!»

Я зажмурилась.

— Я... видела решётку.

Арден Вейр не шевельнулся, но воздух вокруг стал напряжённее.

— Продолжайте.

— Дождь. Мальчик. Он бежал. Или его вели... нет, не знаю. Я пыталась открыть ворота.

— Какие ворота?

Я сжала пальцы.

— Северные. Наверное.

Женщина за столом резко сказала:

— Удобно. Теперь она вспомнила ровно то, что слышала из дознания.

Я повернулась к ней.

— Вы правда думаете, если бы я собиралась врать, я выбрала бы такой жалкий вариант?

— Вы дерзите, чтобы сбить следствие.

— Я дерзю, потому что мне страшно, я ничего не пони-

маю, и единственное, что здесь похоже на смысл, — это пропавший ребёнок. Всё остальное, включая ваше желание поскорее назвать меня виновной, подождёт.

Женщина побагровела.

Ректор вдруг поднял руку.

Не резко. Но все замолчали.

— Выйдите.

Она застыла.

— Лорд-ректор?

— Все.

— Но дознание...

— Я сказал: выйдите.

Через минуту зал опустел.

Остались только мы. Я, Арден Вейр и голубой огонь в очаге, который теперь казался слишком тихим свидетелем.

Я не знала, лучше это или хуже.

— Вы не Мира Ланн, — сказал он.

Земля ушла из-под ног.

Не буквально. Хотя я была почти готова упасть.

— Что?

— Мира Ланн никогда не смотрела людям в глаза. Никогда не спорила. Никогда не задавала вопросов, если могла промолчать. Она боялась собственной тени и дважды просила перевести её из приюта на кухню академии.

Я молчала.

Сердце билось так часто, что слова ректора доходили че-

рез шум.

— Но тело её, — продолжил он, — передо мной. Голос её. Следы на руках её. Значит, вопрос не в том, кто вы выглядите. А в том, кто смотрит изнутри.

Я медленно выдохнула.

— Вы сейчас хотите услышать объяснение, которого у меня нет.

— Я хочу услышать правду.

— Правда звучит безумно.

— Приют драконьих бастардов редко имеет дело с обычными историями.

Я смотрела на него и понимала: если скажу всё, мне конец. Если не скажу — возможно, тоже. Но этот человек только что разогнал людей, которые уже решили мою вину. И при всей его холодности, при всей опасности в каждом движении, в нём не было торопливого желания закрыть дело на удобной служанке.

Это не доверие.

Просто первый факт, за который можно было удержаться.

— Меня зовут Алиса, — сказала я.

Огонь в очаге дрогнул.

Арден не перебил.

— Алиса Миронова. Я не знаю, как оказалась здесь. В моём мире не было академии драконов. Не было приюта. Не было Миры Ланн. Последнее, что я помню, — дождь и свет. Потом я очнулась на полу, а меня уже обвиняют в исчезно-

вании мальчика, которого это тело, кажется, знает.

Я замолчала.

Ждала смеха, приказа стражникам, холодного вывода о моей невменяемости.

Арден смотрел на меня долго.

Слишком долго.

Потом сказал:

— Ложи я не услышал.

Я почти пошатнулась от облегчения.

Почти.

— Вы правда слышите ложь?

— Не всегда. Но достаточно часто, чтобы люди боялись говорить со мной откровенно.

— Удобно.

— Одиноко.

Слово сорвалось с него не как признание, а как трещина в броне. Я увидела её на мгновение — и тут же пожалела. Чем живее становился Арден Вейр, тем труднее было помнить, что для меня он всё ещё опасен.

Он, кажется, сам пожалел, что произнёс это вслух, потому что тут же отвернулся к столу, взял деревянную фигурку дракона с отколотым крылом и провёл большим пальцем по сломанному краю.

— Это Нила? — спросила я.

— Да.

— Он любил её?

— Он не расставался с ней с момента прибытия.

— Тогда почему она здесь?

Арден посмотрел на игрушку.

— Именно.

Внутри у меня похолодело.

Ребёнок, который всегда держит при себе единственную важную вещь, не оставляет её добровольно там, где взрослые будут проводить дознание. Значит, либо игрушку отняли, либо он бросил её как знак. Или Мира — настоящая Мира — принесла её, пытаясь что-то доказать, и не успела.

— Мне нужно в приют, — сказала я.

— Вам нужно в камеру до окончания дознания.

— Тогда Нила могут не найти.

— Возможно, его уже ищут.

— Кто? Те, кто не заметил, как ребёнок исчез из охраняемого приюта?

Глаза ректора стали холоднее.

— Осторожно.

— Нет. Это вы осторожно. Я понимаю, вам удобнее считать меня подозреваемой. Служанка. Низкий статус. Передник у ворот. Следы на руках. Идеальная виновная. Но если я не врала, а вы это слышали, значит, у вас сейчас есть странная женщина в теле служанки, которая помнит решётку и мальчика у северного выхода. И вместо того чтобы использовать это, вы собираетесь запереть меня?

Он подошёл ко мне.

Быстро.

Не угрожающе, но так, что я отступила на полшага прежде, чем успела удержаться. Арден заметил. Конечно, заметил. Его взгляд скользнул по моим ногам, по дрожащим пальцам, по лицу.

— Вы очень смело говорите для человека, который боится.

— Смелость часто просто страх, которому некогда красиво оформиться.

На этот раз он действительно почти усмехнулся.

Почти — потому что в следующую секунду его лицо снова стало ректорским.

— Вы пойдёте в приют.

Я выдохнула.

— Спасибо.

— Не благодарите. Вы пойдёте не как свободная женщина.

— А как?

— Как служанка, обвинённая в исчезновении воспитанника, находящаяся под моим личным надзором.

— Звучит хуже, чем камера.

— В камере меньше шансов умереть.

— А в приюте?

— В приюте у Нила всё ещё есть шанс.

Я ненавидела, что именно эта фраза сработала.

— Вы ужасно умеете успокаивать.

— Я не успокаиваю.

— Уже поняла.

Он подошёл к двери и открыл её. В коридоре мгновенно выпрямились двое стражников.

— Эйрен, — сказал Арден одному из них. — Подать плащ госпоже Ланн. И передать в приют: до моего распоряжения она возвращается к обязанностям.

Стражник моргнул.

— Милорд, но Совет...

— Совет получит мой письменный ответ.

— А если потребуют её передачи?

Арден посмотрел на него.

— Тогда им придётся войти на территорию академии без моего приглашения.

Стражник побледнел.

— Да, милорд.

Я смотрела на ректора и впервые ясно поняла: этот мужчина не просто занимает должность. Он сам — граница. Дверь. Стена. Крыло над тем, что считает своим.

И если такая граница встаёт между тобой и врагами, это почти спасение. Если закрывается за твоей спиной — уже ловушка.

И пока я не знала, хорошо это или страшно.

Наверное, и то и другое.

Плащ принесли серый, тяжёлый, с грубой застёжкой. Он пах дождём, дымом и чужой жизнью. Я накинула его на пле-

чи, и в этот момент из складки платья что-то выпало на пол.

Маленькая пуговица.

Деревянная, круглая, с неровно выцарапанной чертой.

Я наклонилась, но Арден поднял её первым.

— Откуда это?

— Не знаю.

Он положил пуговицу на ладонь. Смотрел так, будто это не мелочь, а знак тревоги.

— Такие пришивают на ночные рубашки младшим воспитанникам.

— Нила?

— Нет.

— Тогда чья?

— Девочки по имени Соль. Ей пять.

Пять.

В груди неприятно сжалось.

— Она тоже исчезла?

— Нет.

Но сказал он это не так, как говорят о спокойной уверенности. Слишком быстро.

Я поняла.

Он не знал.

Мы вышли из зала почти бегом.

Академия военных драконов оказалась не просто зданием. Целым городом из тёмного камня, мостов, башен и площадок, уходящих в туман. Дождь стелился по внутрен-

ним дворам тонкой серебряной сеткой. Где-то высоко над крышами мелькали тени крыльев. Настоящих. Огромных. Я остановилась на миг, не в силах не посмотреть.

В небе над академией летели драконы.

Не сказочные золотые создания из детских картинок. Они были тёмными, тяжёлыми, прекрасными в своей опасности. Один — угольно-чёрный, с синим отсветом на крыльях. Другой — серый, почти сливающийся с дождём. Они кружили над башнями, и от каждого взмаха крыльев вода на камнях дрожала.

— Впервые видите? — спросил Арден.

Я поняла, что опять выдала себя.

— В моём мире такие обычно не летают.

— Обычно?

— У нас вообще всё скучнее.

Он посмотрел на меня странно, но ничего не сказал.

Мы пересекли двор, прошли под аркой с вырезанными именами выпускников, потом свернули к северному крылу. Чем дальше от центральных башен, тем меньше становилось света. Камень здесь был старше. Окна уже. Гербы беднее. Академическая величественность постепенно уступала месту чему-то закрытому, стыдливо спрятанному за главным фасадом.

Приют стоял за отдельной решётчатой оградой.

Не высоким забором. Не тюрьмой в прямом смысле.

И всё же я сразу поняла: дети отсюда не выходят сами.

Ворота были чёрными, тяжёлыми, с узором из переплетённых крыльев. Над ними висела табличка: «Северный воспитательный корпус». Слова приличные, почти нейтральные. Но по обе стороны стояли стражники, а в углах ограды мерцали тонкие хрустальные нити.

Слишком много защиты для места, где должны жить дети.
Или слишком много страха.

У ворот нас встретила женщина лет сорока в тёмно-коричневом платье. Лицо строгое, волосы стянуты в узел, на поясе связка ключей. Она увидела меня — и лицо её стало таким, будто в приют вернули не служанку, а источник заразы.

— Милорд-ректор, — поклонилась она. — Вы привели её обратно?

— Как видите, госпожа Рау.

— Дети и так напуганы.

— Тем важнее понять, кого они боятся на самом деле.

Женщина сжала губы.

— Ей нельзя к спальням.

— Ей можно туда, куда я разрешу.

— Совет уже прислал запрос...

— Совет не управляет моим приютом.

Госпожа Рау опустила глаза, но я успела увидеть в них злость. Не страх — именно злость. Значит, она не просто подчинялась правилам. Она верила в них. Или делала вид достаточно давно, чтобы уже не различать.

Ворота открылись с тяжёлым скрипом.

И я услышала тишину.

Не обычную. Не ночную. Детскую тишину, которая всегда страшнее взрослой. Там, где живут дети, должен быть шум: шаги, шёпот, ссоры, кашель, смех, что-то упало, кто-то зовёт, кто-то не хочет умываться, кто-то тащит за собой одеяло. Но за воротами было слишком тихо.

Двенадцать окон смотрели во двор.

За стёклами мелькнули лица.

Маленькие.

Бледные.

И тут же исчезли.

— Они всегда такие? — спросила я тихо.

Госпожа Рау резко ответила:

— Воспитанники приучены к порядку.

— Я не про порядок.

Арден бросил на меня короткий взгляд. Не одобрительный, но и не останавливающий.

Мы вошли в приют.

Внутри пахло чистым бельём, варёной крупой, мокрой шерстью и страхом. Последний запах я не должна была различать — страх не пахнет так явно. Но, может быть, тело Миры знало этот дом лучше меня. Оно запоминало то, что сознание не успело: как дети замолкают при шаге ключницы, как маленькие пальцы прячутся в рукава, как взгляд ищет дверь прежде, чем взрослый успевает сказать первое слово.

В коридоре вдоль стены стояли дети.

Двенадцать? Нет. Тринадцать. Я посчитала автоматически и сбилась, потому что одна девочка пряталась за старшим мальчиком.

Все в одинаковых серых рубашках и тёмных жилетах. Разные лица, разные волосы, разные глаза. Но у каждого — одинаковая осторожность в плечах.

Младшие жались к стене. Старшие смотрели прямо, слишком взрослым взглядом.

Я увидела девочку лет пяти с одной отсутствующей пуговицей на манжете.

Соль.

Она стояла рядом с худым мальчиком с белыми, почти серебряными волосами. Манжета её была смята, а пальцы спрятаны в кулак.

Я присела на корточки, прежде чем подумала, можно ли здесь так делать.

Госпожа Рау резко вдохнула.

— Мира Ланн!

Дети вздрогнули.

Я подняла ладонь, не приближаясь.

— Я не подойду.

Соль смотрела на меня огромными глазами. Один глаз был тёмно-карий. Второй — с тонким золотым ободком вокруг зрачка.

Драконья кровь.

— Это твоё? — спросила я и осторожно положила деревянную пуговицу на пол перед собой.

Не протянула к ней руку.

Не позвала ближе.

Просто положила.

Соль не двигалась.

Старший мальчик рядом с ней шепнул:

— Не бери.

Я слышала.

Арден тоже.

Но не вмешался.

— Можно не брать, — сказала я. — Она просто лежит здесь. Если твоя — ты сама решишь. Если не твоя, я ошиблась.

Соль перевела взгляд на госпожу Рау.

Та стояла неподвижно, но лицо у неё стало жёстким.

Я поняла: дети привыкли смотреть на взрослых за разрешением даже в мелочах. Даже чтобы забрать собственную пуговицу.

Соль не двинулась.

Тогда я отступила на шаг назад, всё ещё оставаясь на корточках.

— Так легче?

Девочка медленно вышла из-за мальчика. Один шаг. Второй. Наклонилась, схватила пуговицу и тут же отскочила назад, прижимая её к груди.

Никто не похвалил.

Никто не наказал.

Но по коридору прошло слабое движение — дети будто выдохнули не вместе, а каждый внутри себя.

Арден смотрел на меня иначе.

Не мягко. Нет. До мягкости нам было как до луны в другом мире. Но в его взгляде появилось то самое неприятное внимание, с которым опасный человек начинает менять мнение и сам этому не рад.

— Где комната Нила? — спросила я.

Госпожа Рау ответила сразу:

— Это не требуется. Следы уже осмотрены.

— Кем?

— Мной. Стражей. Старшим воспитателем.

— Детьми?

Она нахмурилась.

— Что?

— Кто из детей видел его последним?

— Воспитанники спали.

Сразу.

Слишком сразу.

Арден повернулся к ней.

— Все?

— По расписанию — да.

— Я спросил не о расписании.

Женщина побледнела.

— Милорд, дети часто путают сны и...

— Все? — повторил он.

Теперь голос ректора стал таким, что даже я выпрямилась.

Соль вдруг тихо всхлипнула.

Не заплакала. Просто звук сорвался сам.

Сереброволосый мальчик сжал её плечо.

— Тихо, — прошептал он. — Не надо.

Я медленно повернулась к нему.

— Ты что-то видел?

Госпожа Рау резко сказала:

— Воспитанник Кир не имеет отношения...

— Пусть ответит, — сказал Арден.

Кир поднял глаза.

У него были странные глаза. Светлые, почти прозрачные, но у самого зрачка мерцали тёмные точки, как угли под пеплом. На вид ему было десять или одиннадцать. Но стоял он так, будто давно решил: если взрослые всё равно не защитят, придётся самому.

— Нил не спал, — сказал он.

Госпожа Рау побелела.

— Кир!

Мальчик вздрогнул, но продолжил:

— Он ждал у окна. Сказал, что сегодня придёт та, которая обещала поздно не приходить.

Все посмотрели на меня.

Я почувствовала, как кровь отступает от лица.

— Я? — спросила я.

Кир не ответил.

Арден шагнул ближе.

— Что ещё сказал Нил?

Мальчик упрямо сжал губы.

Соль потянула его за рукав.

— Не надо, — прошептала она. — Колокол услышит.

Колокол?

Я подняла глаза на Ардена.

Он тоже нахмурился.

— Какой колокол? — спросил он.

Дети разом замолчали.

Даже Соль.

Даже Кир.

Госпожа Рау сделала вид, что поправляет связку ключей.

— Детские страхи, милорд. После ночного происшествия...

— Где находится колокол? — спросила я.

Она посмотрела на меня с ледяной ненавистью.

— Служанкам не положено задавать вопросы.

— Зато служанок удобно обвинять, когда вопросы не задаёт никто другой.

Арден резко повернул голову ко мне.

— Достаточно.

Я замолчала.

Не потому что согласилась. Потому что увидела: он не за-

щищал Рау. Он сдерживал ситуацию. Дети стояли в коридоре, впитывали каждое слово, каждый взгляд. Если мы начнём открыто спорить, им станет только страшнее.

Я выдохнула и снова посмотрела на Кира.

— Ты не обязан говорить сейчас, — сказала я. — Но если Нил оставил что-то, что может помочь его найти, можно показать не мне. Можно ректору. Можно кому-то из детей, кому ты доверяешь. Главное — не прятать, если ему нужна помощь.

Кир посмотрел на Ардена.

Долго.

С недоверием, которое ребёнок не должен испытывать к человеку, отвечающему за его защиту.

Арден выдержал этот взгляд.

— Я не накажу за правду, — сказал он.

Кир усмехнулся.

Жестоко для ребёнка.

— Вы не всегда рядом, когда наказывают.

В коридоре стало тихо.

Очень.

Госпожа Рау открыла рот, но Арден поднял руку.

На этот раз он выглядел не холодным.

Опасным.

— Кто наказывал за правду?

Кир сразу опустил глаза.

Соль начала дрожать.

Я поняла: ещё немного — и они закроются окончательно.

— Не сейчас, — сказала я тихо.

Арден перевёл взгляд на меня.

— Что?

— Не здесь. Не перед всеми. Они и так стоят как на суде.

Он посмотрел на детей.

И, кажется, впервые увидел не строй воспитанников, не приют, не дисциплину. А маленьких людей, которые замерли под взглядами взрослых и ждали, чья власть победит.

Его лицо стало жёстче.

Но голос — тише.

— Всем вернуться в общую комнату. Без занятий до моего распоряжения. Горячий завтрак подать через десять минут.

Госпожа Рау вздрогнула.

— Милорд, по расписанию...

— Расписание отменено.

Дети не сразу поверили.

Они стояли, ожидая подвоха.

Тогда Арден добавил:

— Можно сесть у окон.

Соль медленно подняла голову.

— У всех?

— У всех, — сказал он.

Это, кажется, было событием масштаба переворота.

Дети начали расходиться не шумно, а осторожно, как вы-

ходят из клетки, в которой дверь открылась впервые и ещё непонятно, не захлопнется ли за спиной. Соль уходила последней, держась за рукав Кира. На пороге общей комнаты она обернулась и посмотрела на меня.

Не доверие ещё.

Но уже вопрос.

Я осталась в коридоре с Арденом, госпожой Рау и ощущением, что здесь под каменными полами спрятано гораздо больше, чем исчезновение одного мальчика.

— В кабинет, — сказал Арден.

Госпожа Рау побледнела.

— Милорд...

— Не вы. Пока.

Он посмотрел на меня.

— Вы.

Я пошла за ним.

Кабинет приюта оказался маленьким, угловым, с низким окном на внутренний двор. На стенах висели расписания, списки дежурств, правила поведения, таблицы сна, питания, прогулок и наказаний. Последнее слово я заметила случайно — оно было написано мелко, внизу одного листа, почти спрятано под другим.

Меня передёрнуло.

Арден закрыл дверь.

— Вы вмешиваетесь слишком резко.

— А вы не вмешивались достаточно долго.

Он медленно повернулся.

— Вы не знаете, о чём говорите.

— Да. Я не знаю. Это моя главная проблема с того момента, как я проснулась в теле женщины, которую все заранее ненавидят. Но я вижу детей. И вижу, как они боятся не исчезновения Нила, а последствий того, что скажут правду.

— Вы думаете, я этого не заметил?

— Я думаю, вы привыкли замечать угрозы в документах, печатях и приказах. А дети прячут правду в пуговицах и недоговорённых словах.

Он подошёл к столу и положил деревянного дракона Нила рядом с журналом приюта.

— Мира Ланн боялась детей.

— Что?

— Настоящая Мира. Она выполняла работу, но старалась не оставаться с ними одна. Особенно с Нилом.

— Почему?

— Он не любил взрослых.

— За это обычно не боятся ребёнка.

— В этом приюте взрослые боятся того, что дети говорят во сне.

Я замолчала.

Слова неприятно легли куда-то глубоко.

— Что говорил Нил?

Арден открыл журнал. Перелистнул несколько страниц.

— То, что не должен был знать ребёнок без имени.

— Например?

Он поднял на меня глаза.

— Имена старших драконьих домов.

За окном дождь ударил сильнее.

— И поэтому его могли забрать?

— Возможно.

— А Миру подставить, потому что она что-то увидела у ворот?

— Возможно.

— Вы слишком часто говорите “возможно”.

— Потому что человек, который отвечает сразу, чаще защищает не правду, а удобную версию.

Я не хотела признавать, но это было разумно.

Он перелистнул журнал дальше.

— Сегодня ночью у северного выхода нашли ваш передник. На решётке — кровь с вашей руки. В комнате Нила — его игрушку. У ворот — следы взрослой женщины и ребёнка. Стражник утверждает, что видел вас около полуночи.

— Я не знаю, была ли это я.

— Тело было ваше.

— А я нет.

— Именно это сейчас мешает мне передать вас Совету.

Я подняла голову.

— А что мешает просто не верить мне?

Арден долго молчал.

Потом сказал:

— Когда вы говорите, что не забирали Нила, ложи нет.

— Но?

— Но я не знаю, что сделала Мира до того, как вы оказались в её теле.

Вот оно.

Неприятная правда, от которой я сама отворачивалась с момента пробуждения.

Я могла быть невиновна.

А Мира — нет.

Или наоборот: Мира пыталась помочь, а меня засунули в её тело слишком поздно, чтобы я понимала, кого и от чего нужно спасать.

— Тогда я не могу просто защищаться, — сказала я. — Нужно выяснить, что знала Мира.

— Мы выясним.

— Мы?

Он закрыл журнал.

— Пока вина не доказана, вы будете работать в приюте.

— Что?

— Под моим личным надзором.

— То есть вы возвращаете обвиняемую туда, где пропал ребёнок?

— Я возвращаю единственного человека, рядом с которым дети сегодня сказали больше правды, чем за всё утро.

Я не нашлась с ответом.

Он продолжил:

— Ваше положение изменилось. Вы больше не просто служанка приюта. Вы подозреваемая, оставленная в должности распоряжением ректора. Любой ваш шаг будет замечен. Любая ошибка — использована. Любая попытка скрыться — сочтена признанием.

— Звучит как доверие мечты.

— Это не доверие.

— Тогда что?

— Возможность.

Я посмотрела на него.

Он не смягчился. Не стал добрым. Не произнёс ничего похожего на «я вам верю». Но почему-то именно это было честнее. Он не верил мне слепо. Он просто не позволял закрыть дело раньше, чем ребёнка найдут.

— Мне нужна комната рядом с детьми, — сказала я.

— У вас уже есть каморка служанки.

— Нет. Мне нужна возможность слышать, если ночью кто-то будет плакать, ходить или открывать двери.

— Вы требуете слишком много для подозреваемой.

— Я прошу слишком мало для человека, которого вы хотите использовать как возможность.

Арден смотрел на меня так долго, что я успела пожалеть о формулировке.

Потом сказал:

— Каморку перенесут к младшему коридору.

— И дети смогут приходить, если испугаются?

— Дети не ходят по приюту ночью.

— Нил тоже?

Он замолчал.

Попала.

— Дверь оставлять открытой нельзя, — сказал он после паузы.

— Тогда не запирайте её снаружи.

Его взгляд стал тяжёлым.

— Кто сказал вам, что двери служанок запирают снаружи?

Я не знала.

Тело Миры знало.

Я коснулась горла.

— Не знаю. Просто сказала.

Арден резко подошёл к двери, открыл её и позвал:

— Эйрен.

Стражник появился почти сразу.

— Милорд?

— Проверить замки в комнатах прислуги приюта. Все. Сейчас.

Где-то в коридоре громко звякнули ключи. Госпожа Рау, видимо, услышала.

Арден повернулся ко мне.

— Если это правда...

— То я не хочу быть права.

— В этом мы совпадаем.

Это было странное “мы”.

Маленькое. Осторожное. Недоверчивое.

Но всё же “мы”.

До вечера я снова стала служанкой.

Не в смысле покорности — с ней у меня плохо получалось. В смысле работы. Мне выдали чистый передник, грубую щётку для полов, стопку полотенец и список обязанностей, написанный почерком, в котором чувствовалось желание поставить человека на место даже через буквы.

Я разносила детям еду. Следила, кто ел, кто только делал вид, кто прятал кусок хлеба в карман. Запоминала, кто с кем сидит. Кто вздрагивает при шаге Рау. Кто смотрит на окна. Кто не смотрит никуда.

Соль всё ещё прятала пуговицу в кулаке.

Кир держался рядом с ней и не подпускал меня ближе, чем на несколько шагов. Зато когда я поставила на стол миску и тихо сказала: «Это можно не доедать, если не хочется», он впервые посмотрел на меня не как на врага, а как на загадку.

— Рау скажет, что надо, — буркнул он.

— Рау сейчас говорит с ректором.

— Потом скажет.

— Тогда потом и будем решать.

Он прищурился.

— Ты странная.

— Мне уже говорили.

— Раньше ты такой не была.

Сердце кольнуло.

— А какой была?

Кир отвернулся.

— Тихой. И плакала, когда думала, что никто не слышит. Я опустила глаза на полотенце в руках.

Настоящая Мира становилась всё менее удобной тенью. Она была не пустым телом. Она боялась. Пыталась перевестись. Плакала. Возможно, пыталась помочь Нилу. Возможно, заплатила за это исчезновением самой себя.

— А Нил её боялся? — спросила я.

Кир резко поднял голову.

— Почему спрашиваешь?

— Потому что хочу понять, доверял он ей или нет.

— Он никому не доверял.

— А тебе?

Мальчик сжал губы.

— Иногда.

— Что он хотел ночью?

Кир отодвинул миску.

— Не здесь.

Он встал и пошёл к окну, показывая, что разговор окончен. Я не стала догонять. Детское доверие нельзя тащить за рукав, как упрямого козлёнка. Иногда единственный способ получить ответ — показать, что ты не собираешься вырывать его силой.

Вечером Арден вернулся в приют сам.

После проверки замков его лицо стало таким, что даже

госпожа Рау старалась не попадаться ему в коридоре. Две двери прислуги действительно запирались снаружи. Официально — “для безопасности младших воспитанников”. Неофициально я пока не знала. Но теперь знала другое: Мира могла не выйти ночью сама, если её заперли.

Значит, кто-то выпустил её.

Или заставил.

Мою каморку перенесли к младшему коридору. Комната оказалась размером с шкаф, но с настоящим окном под потолком и дверью без внешнего засова. Когда я увидела это, почему-то стало трудно дышать.

Арден заметил.

— Что?

— Ничего.

— Ложь.

Я устало посмотрела на него.

— В моём мире считалось невежливым так быстро это говорить.

— В вашем мире люди реже лгали?

— Нет. Просто делали вид теньше.

Он стоял в дверях каморки, почти заполняя собой проход. После длинного дня его холодная безупречность немного треснула: волосы выбились у виска, на манжете темнело пятно чернил, взгляд стал тяжелее. Но от этого он казался не слабее, а реальнее.

— Вы не обязаны оставаться здесь ночью, — сказал он

неожиданно.

— А где я буду?

— В гостевой комнате академии под охраной.

— Дальше от детей.

— Безопаснее для вас.

— Вы считаете, мне сейчас нужна безопасность?

— Всем нужна безопасность.

— Нет. Детям она нужнее.

Он помолчал.

— Вы говорите так, будто знаете их давно.

— Я знаю, как выглядят дети, которых взрослые приучили молчать.

— В вашем мире?

— В любом мире, наверное.

Он отвёл взгляд.

И в этом движении снова мелькнуло что-то личное. Скрытое так глубоко, что я не стала спрашивать. Ещё рано. Мы были не союзниками. Не друзьями. Даже не людьми, которые верят друг другу. Просто двое взрослых в доме, где ночью исчез мальчик, а дети боялись колокола.

— Дверь останется незапертой, — сказал Арден. — Но у коридора будет мой страж.

— Чтобы охранять детей от меня?

— Чтобы охранять вас от тех, кто слишком хочет, чтобы вы были виновны.

Я хотела ответить колкостью, но не смогла.

Слишком устала.

— Спасибо, — сказала я.

Он кивнул.

— Не доверяйте госпоже Рау.

— Это приказ?

— Наблюдение.

— А вам?

Арден посмотрел на меня.

— Мне особенно.

После этих слов он ушёл.

И почему-то именно они действовали сильнее любых обещаний.

Ночь в приюте была не тёмной, а серой. За маленьким окном дождь наконец стих, но вода ещё стекала по камню, и каждый звук казался шагом. Я лежала на узкой кровати, не раздеваясь, под грубым одеялом, которое пахло лавандой и пылью. Спать не могла.

Слишком много чужого.

Тело. Имя. Каморка. Мир. Вина.

Где-то в младшем коридоре кто-то тихо всхлипнул во сне. Потом затих. Я села, прислушалась, но шагов не было. Дверь оставалась приоткрытой на ладонь. За ней тускло горел хрустальный ночник.

Я уже почти решила, что надо лечь обратно, когда услышала царапанье.

Тонкое.

Осторожное.

У самой двери.

Я замерла.

— Кто там? — прошептала я.

Ответа не было.

Царапанье повторилось.

Я встала и медленно открыла дверь шире.

В коридоре никого.

Только на полу лежала деревянная фигурка дракона с отколотым крылом.

Игрушка Нила.

Я подняла её осторожно, двумя руками, словно она могла рассыпаться. Днём она лежала на столе в кабинете Ардена. Как она оказалась здесь?

За решётчатыми воротами младшего коридора что-то шевельнулось.

Да, внутри приюта тоже были ворота. Невысокие, но закрытые на замок. Днём я не обратила на них внимания. Ночью они выглядели как граница между детьми и остальным миром.

Я подошла ближе.

За воротами стояли дети.

Не все. Трое.

Соль в длинной ночной рубашке с пришитой кое-как пуговицей. Кир рядом с ней. И ещё один мальчик, которого я днём не заметила: маленький, темноволосый, с огромными

серыми глазами и одеялом на плечах.

Они смотрели на меня сквозь прутья.

— Это ты принесла? — спросила я, показывая игрушку.

Кир молчал.

Соль спряталась за его руку.

Маленький мальчик вдруг сказал:

— Он велел отдать.

У меня похолодели пальцы.

— Кто?

— Нил.

Коридор будто стал длиннее.

— Ты видел Нила?

Мальчик кивнул.

Кир резко шикнул на него:

— Тио, молчи.

Но Тио не замолчал. Он смотрел на меня так, будто решился на что-то очень страшное и теперь боялся остановиться.

— Он сказал, если ты опять придёшь поздно, показать крыло.

Я посмотрела на отколотое крыло игрушки.

Там, на сломанном краю, была выцарапана маленькая отметка. Не буква. Знак. Три короткие линии и одна длинная, похожая на путь к двери.

— Что это значит?

Кир крепко сжал прут решётки.

— Не спрашивай здесь.

— Где тогда?

Он посмотрел в сторону лестницы.

— Внизу.

— Под приютом?

Соль заплакала без звука.

Тео прошептал:

— Там колокол.

В этот момент за моей спиной раздался голос Ардена:

— Кто дал детям выйти из спальни?

Я резко обернулась.

Ректор стоял в конце коридора в тёмной рубашке, без мундира, но от этого не менее опасный. Волосы были расчёпаны, лицо жёсткое, а серые глаза смотрели не на меня — на детей за решёткой.

Кир мгновенно отступил.

Соль спряталась.

Тео зажал рот ладонью.

И я поняла: если сейчас Арден заговорит как ректор, они больше не скажут ничего.

Я сделала шаг между ним и воротами.

— Не так.

Он остановился.

— Отойдите.

— Нет.

Слово вышло тихим, но твёрдым.

В его глазах полыхнуло что-то драконье.

— Вы забываете своё положение.

— Я помню его лучше вас. Я подозреваемая служанка, которую удобно обвинить. Но сейчас дети не нарушители. Они свидетели. И если вы их напугаете, мы потеряем единственное, что у нас есть.

Арден смотрел на меня.

Я ждала приказа. Гнева. Резкого движения.

Но он медленно перевёл взгляд на Тио и, кажется, заставил себя изменить голос.

— Кто открыл ворота спальни?

Тио молчал.

Арден опустил на одно колено.

Не близко. По другую сторону коридора, оставляя между собой и детьми расстояние.

— Я не накажу вас за правду, — сказал он.

Кир вдруг горько усмехнулся:

— Вы уже обещали.

Арден принял это.

Не спорил. Не оправдывался.

— Тогда скажу иначе. Если я нарушу обещание, Мира Ланн напомнит мне перед всеми.

Я моргнула.

Кир тоже.

— Она? — с недоверием спросил он.

— Она уже делает это без разрешения.

Тио опустил ладонь от лица.

— Нил не ушёл с ней, — сказал он.

Тишина разлилась по коридору.

Арден не двинулся.

Я тоже.

Маленький мальчик сжал край одеяла.

— Она не забирала меня. Она пришла поздно. Так Нил сказал. Он сказал, Мира пришла, когда ворота уже закрыли. Она кричала. А потом колокол проснулся.

Соль тихо всхлипнула.

Кир ударил кулаком по пруту, но не сильно — скорее от бессилия.

Арден поднялся очень медленно.

— Какой колокол, Тио?

Мальчик смотрел на меня.

Почему-то не на ректора.

И прошептал:

— Тот, который забирает имена.

И где-то внизу, под камнем, что-то ответило ему одним глухим ударом.

Приют для тех, кому нельзя иметь имя

Глава 2. Приют для тех, кому нельзя иметь имя

— Тот, который забирает имена.

Тию сказал это так тихо, что последние слова будто не прозвучали, а осели на железных прутьях между нами. Соль сразу зажала рот ладошкой, словно боялась, что случайно выпустит ещё один звук. Кир отвернулся к стене, но я видела, как побелели его пальцы на решётке.

Арден не двинулся.

И оттого, что он не рывкнул, не приказал детям немедленно вернуться в спальню, не сделал ни одного резкого движения, стало только страшнее. В нём вдруг появилась та самая опасная неподвижность, которую я уже видела в зале дознания. Не ярость ещё. Скорее мгновение перед ней, когда дракон решает, что сжечь, а что сохранить.

— Где ты слышал этот колокол? — спросил он.

Тию опустил глаза.

— Нельзя.

— Кто сказал?

Мальчик сжался под одеялом так, будто само слово «кто» могло позвать кого-то из темноты.

Я медленно присела на пол перед воротами. Камень был

холодный, грубый, неприятный под коленями, но сейчас мне нужно было стать ниже. Не выше детей. Не рядом с ректором, от которого даже взрослые инстинктивно отступали. Ниже, чтобы Тио видел не угрозу, а лицо.

— Тио, — сказала я, стараясь говорить ровно, — ты уже сказал очень важное. Больше, чем хотел. Можно остановиться.

Он поднял на меня глаза.

— Правда?

— Правда.

Кир недоверчиво фыркнул.

— Взрослые так говорят, когда хотят, чтобы ты сам рассказал дальше.

— Иногда, — признала я. — Но сейчас я говорю, что можно остановиться. Если страшно — молчи. Если хочешь сказать одно слово — скажи одно. Если хочешь только показать — покажи. Если вообще ничего не хочешь, мы всё равно уже услышали главное.

Соль чуть выглянула из-за его плеча.

— Главное? — прошептала она.

— Нил не ушёл просто так. И Мира... я... пришла поздно. Значит, кто-то был раньше.

Я сказала «я» и почувствовала, как внутри неприятно дрогнуло. Я всё ещё не знала, кто такая настоящая Мира Ланн. Трусливая служанка? Невольная сообщница? Женщина, которая плакала по ночам и всё же побежала за мальчи-

ком к северным воротам? Пока я не могла отделить её следы от своих. Но дети смотрели на меня как на Миру, и спорить с этим прямо сейчас было бесполезно.

Арден подошёл ближе, но остановился на расстоянии. Он понял. Или заставил себя понять: один неверный шаг — и эти трое снова станут маленькими каменными фигурками за решёткой.

— Кто открыл ворота спальни? — повторил он тише.

Кир сжал губы.

Тио посмотрел на него, потом на Соль. Девочка отрицательно мотнула головой, но мальчик всё равно прошептал:

— Они сами открылись.

— Сами? — спросила я.

— Когда колокол спит, ворота закрыты. Когда колокол просыпается, замки слушают его.

Арден резко повернул голову к лестнице.

— В приюте нет колокола.

Кир вдруг рассмеялся. Коротко, зло и совсем не по-детски.

— Конечно нет. У нас вообще ничего нет. Ни колокола, ни имён, ни родителей, ни зеркал, которые нельзя трогать. Всё придумали дети, которые путают сны.

Соль зажмурилась.

— Кир...

Он осёкся, но уже поздно. Его слова вырвались наружу и повисли между нами слишком прямыми, слишком острыми.

Арден посмотрел на него.

— Зеркала?

Кир отвернулся.

— Я не спрашиваю о происхождении, — сказал Арден после короткой паузы. — Я спрашиваю о безопасности.

— Они одно и то же, — буркнул Кир.

Я увидела, как напряглось лицо ректора. Не потому, что мальчик дерзил. Потому что ребёнок сказал фразу, которую кто-то давно вложил ему в голову. Удобную, пугающую, закрывающую рот любому вопросу.

— Дети возвращаются в спальню, — произнёс Арден.

Тио испуганно прижал одеяло к подбородку.

Я уже открыла рот, но ректор поднял ладонь — не мне, а им.

— Не как наказание. До утра вы будете в младшей комнате у окна. Все трое. Дверь останется открытой. У коридора поставят моего человека, не госпожи Рау. Если услышите колокол, голос, шаги или увидите что-то странное — зовёте меня или Миру.

Кир недоверчиво прищурился.

— Её тоже?

Арден взглянул на меня. Серые глаза задержались на моём лице на миг дольше, чем требовалось.

— Её тоже.

Так просто.

И так опасно.

Он только что при детях сделал меня не просто подозреваемой служанкой, оставленной под надзором. Он дал им право звать меня ночью. Дал мне место в цепочке защиты, пусть временное, пусть сомнительное, но настоящее. И я поняла, что за это ему придётся отвечать перед Рау, перед Советом, перед собственными правилами.

Кир тоже понял. Не всё, конечно. Но достаточно, чтобы посмотреть на ректора чуть иначе.

— А если она опять придёт поздно? — спросил он.

Вопрос ударил не по мне даже, а по чужой Мире, которая, возможно, бежала к воротам изо всех сил и всё равно опоздала.

Я сжала деревянного дракончика Нила.

— Тогда я буду идти раньше, — сказала я.

Соль тихо всхлипнула.

Арден приказал открыть ворота младшего коридора. Ключ принёс сонный стражник с таким лицом, будто не понимал, почему ректор Академии военных драконов сам стоит среди ночи у детской решётки и разговаривает с воспитанниками вместо того, чтобы отправить их обратно без лишних слов.

Когда замок щёлкнул, дети не вышли сразу.

Они смотрели на открытую решётку так, как смотрят на незнакомого зверя: хочется верить, что не укусит, но рука всё равно не тянется.

Арден заметил. И вместо того чтобы приказать, отошёл в

сторону.

Я тоже отступила.

Первым вышел Кир. Не потому что самый смелый — потому что поставил себя щитом. Он сразу встал между нами и младшими. Потом Тио, кутаясь в одеяло, мелкими шагами перебежал через порог. Соль была последней. На середине она остановилась и посмотрела вниз, на полоску камня под воротами, словно там проходила невидимая граница.

Я не торопила.

Арден молчал.

Соль всё-таки переступила.

И в тот же миг где-то в глубине приюта еле слышно звякнул металл.

Не громко. Не так, как звонит настоящий колокол на башне. Скорее будто кто-то провёл ногтем по краю медной чаши за толстой стеной.

Тио зажал уши.

Соль бросилась к Киру.

Арден развернулся так резко, что тень от ночника метнулась по стене крылом.

— Откуда звук?

Стражник у ворот побледнел.

— Милорд, я ничего...

— Не вам.

Он смотрел на меня.

Я тоже слышала. Слабый, почти невозможный звон, кото-

рый ещё дрожал в костях. И вместе с ним — чужой обрывок памяти.

Тёмная лестница. Тесный проход. Мира, настоящая Мира, прижимает ладонь к стене. Где-то внизу гудит металл. Детский голос шепчет: «Если он прозвонит трижды, я забуду». Потом боль в запястье. Решётка. Дождь.

Я схватилась за стену, чтобы не упасть.

— Внизу, — сказала я. — Под приютом.

Арден подошёл ко мне.

— Вы вспомнили?

— Не знаю. Видела лестницу. Стену. Нил говорил... что если прозвонит трижды, он забудет.

Лицо Ардена изменилось.

Почти незаметно, но я уже начинала различать его трещины. Холод у него не исчезал — он становился тоньше, и сквозь него проступало то, что он не позволял видеть другим.

— Эйрен, — сказал он, не оборачиваясь.

Стражник вытянулся.

— Милорд.

— Поднять внутреннюю охрану. Без общего сигнала. Никого из людей Рау не допускать к младшему коридору. Госпожу Рау — ко мне. Через десять минут. В кабинет.

— Да, милорд.

Кир вдруг резко сказал:

— Если позовёте Рау, он снова спрячется.

Арден медленно повернулся к нему.

— Кто?

Мальчик понял, что сказал лишнее, и сжал зубы.

Я присела рядом, но не слишком близко.

— Кир, если ты говоришь о колоколе, он уже не спрятан.

Мы его слышали.

— Вы не должны были.

— Возможно. Но услышали.

Он смотрел на меня долго, с почти взрослой злостью.

— Вы все слышите, когда поздно.

Фраза была несправедливой.

И абсолютно понятной.

Я не стала оправдываться.

— Да, — сказала я. — Иногда взрослые слышат поздно.

Арден рядом молчал, и я почувствовала, как эти слова задела и его тоже.

Кир будто ждал возражений. Но не получил. Его плечи чуть опустились.

— Нил говорил, что его имя не настоящее, — сказал он наконец. — Что он слышит другое, когда спит. Но если сказать его вслух, придёт колокол. Сначала один раз — и ты забываешь лицо. Второй — голос. Третий — зачем хотел вспомнить.

Тео тихо добавил:

— А потом тебе дают новое имя.

— Не имя, — сказал Кир. — Кличку.

Соль дрожала, но не плакала. Она смотрела куда-то в пол и прижимала к груди свою пуговицу так крепко, будто та могла защитить её от звона.

Арден спросил:

— Сколько раз Нил слышал колокол?

Кир не ответил.

Тию прошептал:

— Два.

— А третьего боялся? — спросила я.

Мальчик кивнул.

— Поэтому ждал Миру?

Тию посмотрел на дракончика в моих руках.

— Он сказал, что Мира обещала найти место, где колокол глухой.

Я закрыла глаза.

Мира обещала.

Не я.

А теперь выполнить это обещание должна была я, потому что мальчик исчез, дети боялись, а внизу под чистым строгим приютом звенело то, чего, по словам ректора, вообще не существовало.

Арден провёл рукой по лицу.

Движение было быстрым, почти незаметным, но неожиданно человеческим. Он выглядел усталым. Не физически — усталость дракона, наверное, не так проста. Но где-то глубже, в той части, которая слишком долго держит стены

и однажды обнаруживает, что за стенами построили подвал без твоего ведома.

— Всех троих в младшую комнату, — сказал он. — Мира, вы останетесь с ними до рассвета.

Я подняла на него глаза.

— Вы доверяете мне детей?

— Нет.

— Тогда?

— Я доверяю их страху. Сейчас он выбирает вас.

Вот так.

Без тепла. Без красивых слов. Но честно.

И почему-то от этого внутри стало тесно.

Младшая комната оказалась небольшой, вытянутой, с тремя узкими кроватями у стены и одним круглым окном, выходящим во внутренний двор. Там пахло чистой тканью, холодным камнем и чем-то сладковатым — не едой, скорее высохшими яблочными кожурками, спрятанными кем-то в щели под подоконником.

Соль забралась на дальнюю кровать, но не легла. Просто села, поджав ноги, и уставилась на дверь. Тио устроился на полу у окна, потому что, как объяснил Кир, «на полу ему спокойнее». Кир сам остался стоять у стены, будто ему назначили пост.

— Можно сесть? — спросила я, показывая на край свободной кровати.

Он фыркнул.

— Ты служанка. Садись куда хочешь.

— В моём опыте дети обычно лучше знают, какие места в комнате важные.

Тео поднял голову.

— Там Соль сидит, когда громко.

— Хорошо. Тогда не туда.

Соль впервые посмотрела на меня без мгновенного испуга.

Я села на пол у двери. Так, чтобы видеть и детей, и коридор. Камень снова был холодный, но у меня уже складывалось ощущение, что в этом мире важные разговоры почему-то происходят именно на полу.

Кир прищурился.

— Зачем ты там?

— Если кто-то войдёт, сначала увидит меня.

— Ты не остановишь взрослого.

— Может быть. Зато успею сказать что-нибудь очень неуместное.

Тео вдруг тихо прыснул. Быстро зажал рот, испугался собственного смеха и посмотрел на Кира. Тот отвернулся к окну, но уголок его губ дрогнул.

Маленькая победа.

Совсем маленькая.

Я положила деревянного дракончика Нила между нами на пол.

— Он останется здесь до утра?

Соль покачала головой.

— Нельзя.

— Почему?

Она посмотрела на Кира.

Тот вздохнул, будто ему приходилось объяснять очевидное очень глупому взрослому.

— У каждого есть вещь. Если вещь лежит не у тебя, значит, тебя можно записать иначе.

Я не сразу поняла.

— Записать?

— В журнале.

— В каком журнале?

Кир кивнул на коридор.

— Старом. Не том, который показывает ректор. Там у всех номера. Нил — семнадцатый. Я — двенадцатый. Соль — двадцать первая. Тио — девятнадцатый.

— А имена?

— Имена для того, чтобы звать к столу. Номера — для тех, кто приходит ночью.

Соль сжалась.

У меня внутри всё похолодело.

— Кто приходит ночью?

Кир сразу закрылся.

Ошибка.

Я задала слишком прямой вопрос. Слишком быстро. Снова попыталась взять то, что ребёнок мог дать только сам.

— Прости, — сказала я. — Не отвечай.

Он смотрел на меня с подозрением.

— Ты странная, — повторил он уже тише.

— Знаю.

— Раньше ты извинялась только перед взрослыми.

Это было ещё одно крошечное свидетельство о настоящей Мире. Не доброе и не злое. Просто черта: она боялась тех, кто выше, и не видела смысла просить прощения у тех, кто ниже. Или не решалась. Или её саму так научили.

— Значит, раньше я была неправа, — сказала я.

Кир не ответил.

Но сел.

Не рядом, нет. У стены, на расстоянии. Но сел. Для ребёнка, который ещё утром стоял между мной и младшими как маленький сторожевой пёс, это было почти доверием.

До рассвета мы больше почти не говорили. Тио задремал на полу у окна, положив щеку на сложенное одеяло. Соль долго боролась со сном, вздрагивая от каждого звука в коридоре, и наконец заснула сидя, с пуговицей в кулаке. Кир не спал. Я тоже.

За дверью иногда проходили шаги. Не Рау — её я уже научилась узнавать по резкому звону ключей и чёткой, злой поступи. Это были люди Ардена, тихие, собранные. Сам ректор не вернулся. Где-то в глубине приюта открывались и закрывались двери. Один раз послышался голос госпожи Рау, высокий от возмущения, но слов я не разобрала. Потом —

голос Ардена. Низкий. Резкий. После него всё стихло.

Утро пришло серым.

В приюте зазвонил обычный академический колокол.

Не тот.

Я поняла это сразу по реакции детей. Соль вздрогнула, но не заплакала. Кир только поморщился. Тио проснулся и сонно спросил:

— Это верхний?

— Верхний, — ответил Кир.

Значит, были верхний и нижний.

Официальный и тот, которого нет.

Когда я вышла в коридор, приют уже выглядел так, будто ночью ничего не произошло. Полы вымыты. Окна протёрты. Серые дорожки лежат ровно. На стенах — расписание. У общей комнаты — ряд умытых детей в одинаковых рубашках. Чистота здесь была не уютom, а доказательством: смотрите, у нас порядок, у нас нет тайн, у нас дети накормлены, расчёсаны и молчат.

Госпожа Рау стояла у лестницы.

Без связки ключей.

Я заметила это сразу.

Её пояс был пуст, и от этого она выглядела почти обнажённой. Не физически — по власти. Она поймала мой взгляд и сжала губы.

— Служанка Ланн, — произнесла она. — Завтрак подан в общей комнате. После него вы вернётесь к своим прямым

обязанностям и перестанете устраивать ночные собрания.

— По распоряжению ректора я была с детьми.

— Ректор не знает всех особенностей воспитания младших.

— Зато теперь узнаёт.

Её лицо дёрнулось.

Я поняла, что сказала лишнее. Не потому что хотела угодить Рау, а потому что рядом стояли дети. Им не нужно было видеть, как я торжествую над женщиной, которой они всё ещё боялись. Это снова превращало взрослых в ссорящихся хозяев, а детей — в тех, кто ждёт, чья рука окажется тяжелее.

Я вдохнула.

— Где полотенца для младших? — спросила уже спокойнее. — Я помогу накрыть.

Рау, кажется, не ожидала, что я отступлю в бытовое.

— В бельевой.

— Хорошо.

Она нахмурилась ещё сильнее, но не остановила.

Бельевая находилась рядом с умывальной. Небольшая комнатка с полками, где всё было сложено пугающе ровно: полотенца по размеру, простыни по цвету, детские рубашки стопками, каждая перевязана серой лентой. На нижней полке стояла корзина с починенными вещами. Я взяла несколько полотенец и заметила на одной рубашке маленькую вышитую цифру: 21.

Соль.

Не имя.

Номер.

Меня так разозлило это крошечное, аккуратное число, что я чуть не сжала ткань слишком сильно. Вот что значит «нельзя иметь имя». Не громкая драма. Не цепи. Просто каждая вещь напоминает ребёнку, что имя — для голоса, а номер — для учёта.

Когда я вернулась в общую комнату, дети уже сидели за длинными столами. Тарелки стояли перед каждым на одинаковом расстоянии от края. Ложки справа. Кружки слева. Слишком правильно. Слишком тихо.

Я начала раздавать полотенца младшим и считать.

Теперь спокойно.

Соль — двадцать первая. Тио — девятнадцатый. Кир — двенадцатый. Нил — семнадцатый. Всего детей в комнате было тринадцать, хотя вчера окна показались мне двенадцатью. Или один из детей не выходил? Или я ошиблась от усталости?

У окна сидела девочка лет девяти с тёмными косами и белой прядью у виска. Она всё время держала левую руку под столом. Рядом — мальчик с веснушками, который ел быстро, почти не жуя, как будто у него могли отнять тарелку. Дальше близнецы с одинаково острыми подбородками и разными глазами: у одного левый глаз янтарный, у другого правый. У самого дальнего стола сидела высокая девочка-подросток, почти взрослая по здешним меркам, и смотрела на меня без

детского страха. С ненавистью.

— Это Лисса, — тихо сказал Тио, когда я поставила рядом с ним кружку. — Она не любит служанок.

— Почему?

— Потому что они слушают за дверями.

— А она?

— Она слушает лучше.

Я едва не улыбнулась, но Лисса как раз подняла глаза, и улыбаться расхотелось.

Арден вошёл в общую комнату, когда дети почти закончили завтрак. Все сразу выпрямились. Даже те, кто не боялся Рау, боялись его. Или не боялись — не знали, что от него ждать. После ночи это стало важнее: если ректор меняет правила, он может и защитить, и наказать. Дети ещё не решили, какой вариант вероятнее.

— Завтрак продолжать, — сказал он.

Никто не продолжил.

Тогда Арден взял свободный стул у стены и сел.

Просто сел.

Не во главе. Не у двери. Не перед ними как судья. У стены, чуть в стороне.

Дети смотрели на него так, будто дракон внезапно лёг на коврик у камина и велел не обращать внимания.

Кир первым взял ложку.

Потом Тио.

Потом Соль.

Остальные потянулись следом.

Арден даже не посмотрел на меня, но я поняла: это было не случайно. Он учился. Неуклюже, по-своему, всё ещё как человек, привыкший командовать камнями, а не слушать детей. Но учился.

После завтрака он велел мне принести старый журнал.

Госпожа Рау резко шагнула вперёд.

— Милорд, старый журнал не относится к текущему учёту.

— Именно поэтому он мне нужен.

— Он хранится в нижнем архиве. Доступ имеет только старший воспитатель.

— Теперь доступ имею я.

— Вы всегда имели, милорд.

— Тогда странно, что я впервые слышу о нём от воспитанников.

Рау побледнела, но промолчала.

Меня отправили вместе с Эйреном. Не одну — разумеется. Моё новое положение “возможности” всё равно оставалось положением подозреваемой. Но теперь стражник шёл не рядом с моей рукой на рукояти меча, а на полшага позади. Мелочь. Однако после вчерашнего зала дознания даже мелочь ощущалась изменением.

Нижний архив оказался не под приютом, а в полуподвальном крыле между кухней и кладовыми. И всё же, спускаясь туда, я невольно прислушивалась: не звякнет ли снова тот

невидимый металл.

Не звякнул.

Архив пах пылью, старой тканью и чернилами. На полках стояли коробки с бирками. «Поступления». «Расходы». «Смена белья». «Ремонт окон». И в самом углу, отдельно, за низкой решётчатой дверцей — «Первичный учёт».

Эйрен открыл замок ключом, который ему выдал Арден. Внутри лежали три толстых журнала в тёмных переплётах. Я подняла верхний, и пыль тут же забилась в горло. На обложке не было названия. Только выдавленный знак: колокол без языка.

Я застыла.

— Что? — спросил Эйрен.

— Ничего.

Ложь вышла плохо, но он, к счастью, не был Арденом.

Я открыла журнал.

На первой странице была таблица. Номера. Даты поступления. Возраст. Видимые признаки крови. Поведенческие особенности. Предмет привязки.

Предмет привязки.

У Нила — деревянный дракон.

У Соль — пуговица с домашней рубашки.

У Кира — металлическое кольцо без печати.

У Тио — одеяло с серой каймой.

В графе «род» почти везде стояла прочеркнутая черта. Не пустота. Именно прочерк, как сознательное отрицание.

На некоторых строках черта была толще. Как будто кто-то водил пером несколько раз, вымарывая то, что проступало снизу.

Я перелистнула дальше и увидела имена.

Не детские. Не те, которыми их звали в приюте.

Короткие записи на полях, сделанные другим почерком и потом зачёркнутые. У двенадцатого — «Кир...» дальше клякса. У девятнадцатого — «Тио... ветвь запад...» дальше выскоблено до дырки. У двадцать первой — рядом со словом «Соль» был маленький знак, похожий на раскрытый глаз внутри драконьего крыла.

Я не понимала его.

Но тело Миры снова отозвалось страхом.

— Нужно отнести ректору, — сказала я.

Эйрен кивнул.

Я закрыла журнал, и в этот момент из него выпал тонкий листок.

Не страница. Скорее обрывок старой ведомости, сложенный вчетверо и спрятанный у корешка. Я подняла его прежде, чем успела подумать, и увидела всего одну строку:

«Если номер семнадцать вспомнит второе имя, перевести до третьего звона».

Подписи не было.

Но внизу стоял отпечаток перстня: драконья лапа, сжимающая колокол.

Я не знала, чей это знак.

Но была уверена: Арден знает.

Мы вернулись в общую комнату быстро. Слишком быстро для человека, который почти не спал и всё ещё ходил в чужом теле, непривычном и болезненном. На пороге я остановилась.

Дети сидели на ковре.

Не за партами. Не вдоль стены. На ковре у окна. Арден всё ещё был с ними. Не играл, нет. Я даже не могла представить его играющим. Он держал в руках деревянного дракона Нила, а Тио, стоя рядом, показывал, как мальчик обычно “летал” им над подоконником.

Соль сидела чуть дальше, прижав к себе колени.

Кир следил за ректором, как страж.

Лисса смотрела на меня.

— Журнал, — сказала я.

Арден поднялся сразу. Одного взгляда на моё лицо хватило, чтобы он понял: дело не только в старых списках.

Мы ушли в кабинет приюта. На этот раз он не закрыл дверь полностью — оставил щель, через которую был виден коридор. Я заметила и оценила. После ночных разговоров закрытые двери стали звучать иначе.

На краю стола лежал тонкий серебряный обруч с насечками. Я заметила его только сейчас — слишком изящный для украшения и слишком холодный на вид, чтобы быть безобидным.

— Что это?

— Клятвенный круг, — ответил Арден. — Совет потребует проверить вас им. Я предпочту сделать это раньше и без зрителей.

— Звучит так, будто мне следует благодарить.

— Нет. Вам следует не солгать.

— А если круг решит, что я солгала?

Арден посмотрел на серебро так, будто уже видел, что оно делает с людьми.

— Тогда Совет получит повод забрать вас без дознания.

— Живой?

Он не ответил достаточно быстро.

Он коснулся обруча, и по серебру прошла бледная искра. На миг мне показалось, что воздух обвился вокруг горла невидимой нитью.

— Вы помогали вывести Нила за северные ворота?

— Нет.

Обруч молчал.

— Вы знаете, где он сейчас?

— Нет.

Серебро снова не дрогнуло.

Арден смотрел на меня уже не как на удобную виновную, а как на проблему, которая разрушала слишком простую версию преступления.

Проблему, которую придётся держать рядом, хотя разумному человеку следовало бы отойти подальше.

— Тогда журнал, — сказал он наконец.

Арден открыл журнал.

Чем дальше читал, тем неподвижнее становилось его лицо.

Я положила перед ним спрятанный листок.

— Он выпал из корешка.

Арден увидел печать.

И на миг перестал быть человеком, который умеет сдерживаться.

Пламени в комнате не было, но воздух стал горячее. Где-то за окном каркнула птица и тут же смолкла. Я отступила на полшага — не из страха перед ним, а потому что тело само вспомнило: перед драконом в таком состоянии лучше не стоять слишком близко.

— Чей знак? — спросила я.

Он провёл пальцем над отпечатком, не касаясь.

— Совета попечения при Академии.

— То есть не Рау?

— Рау не имеет права ставить такой знак.

— Но могла выполнять распоряжение.

— Могла.

— А вы?

Он поднял глаза.

— Что я?

— Вы знали о “третьем звоне”?

Вопрос был опасный.

Я поняла это сразу по тому, как его лицо стало каменным.

— Нет.

— Ложи нет? — спросила я тихо.

— Вы не слышите ложь.

— Зато смотрю на вас.

Секунда. Другая.

Потом он очень медленно сказал:

— Нет. Я не знал.

И я поверила.

Не потому что он был ректором, красивым драконом или единственным, кто пока не отдал меня Совету. А потому что в его голосе впервые прозвучало не раздражение, не холод и не контроль.

Стыд.

Тяжёлый, злой, обжигающий.

И это внезапно сделало его опаснее: человек, который стыдится собственной слепоты, начинает копать глубже, чем позволяют правила.

— Тогда кто-то использовал приют у вас под носом, — сказала я.

— Да.

— И детей.

— Да.

— И Миру.

Он закрыл журнал.

— Возможно.

Я выдохнула.

— Опять возможно.

— Пока мы не знаем, где настоящая Мира заканчивается и где начинаются чужие руки.

Эта фраза почему-то ударила сильнее, чем обвинение. Потому что он был прав. Я носила её лицо, её синяки, её страхи, её следы на решётке. Я могла защищать себя сколько угодно, но где-то в этой истории была женщина, которая жила до меня. И если она действительно пыталась спасти Нила, её тоже кто-то лишил голоса.

Арден взял журнал.

— С этого момента старый учёт изымается в ректорский архив.

— Рау будет сопротивляться.

— Рау сегодня лишилась ключей.

— А я?

— Вы остаетесь при младшей группе.

Я моргнула.

— Что?

— Временно. До завершения внутреннего расследования. Под моим надзором, но без распоряжений госпожи Рау.

Вот оно. Конкретное изменение положения.

Ещё вчера я была служанкой, которую хотели отдать Совету. Сегодня — подозреваемой, которой доверили младших детей и сняли из-под власти ключницы. Не свобода. Но уже не прежняя клетка.

— Вы понимаете, что она возненавидит меня окончательно-

но?

— Она уже.

— Утешили.

— Вы просили правду.

— Когда-нибудь я научусь просить у вас что-нибудь другое.

Он посмотрел на меня почти с усталой насмешкой.

— Сомневаюсь.

Эта короткая перепалка странно разрядила воздух. Не сделала нас близкими. Не убрала страх. Но между нами впервые возникло что-то, похожее на рабочую нить: тонкую, натянутую, легко рвущуюся, но настоящую.

День прошёл иначе.

Не легко. Приют не превращался в дом от пары приказов. Дети всё ещё вздрагивали при каждом шаге взрослых. Рау ходила по коридорам без ключей, и от этого злилась ещё сильнее. Старшая девочка Лисса игнорировала меня демонстративно, зато всё время оказывалась рядом, когда я говорила с младшими. Кир не доверял, но больше не уходил сразу. Тио держался ближе к окну. Соль молчала почти весь день.

Я старалась не делать вид, будто всё понимаю.

Накрывала на стол. Меняла мокрые полотенца у умывальни. Следила, чтобы младшие не сидели в холодных носках после прогулки во внутреннем дворике. Не заставляла есть до последней ложки. Не задавала вопросов о родах и про-

шлой жизни. Рассказывала короткую историю про кота, который забрался на академическую башню и так громко мяукал, что драконы решили: это новый начальник воздушной стражи.

Тео засмеялся первым.

Соль улыбнулась в ладони.

Кир сказал:

— Коты не командуют драконами.

— Этот командовал.

— Врёшь.

— Сочиняю. Это другое.

Лисса вдруг бросила из угла:

— Взрослые всегда так говорят.

Я повернулась к ней.

— Да. Поэтому можешь считать это ложью, если хочешь.

Она ожидала спора. Не получила. И это, кажется, разозлило её сильнее.

Ближе к вечеру Арден пришёл снова. На этот раз в мундире, собранный, холодный, с запечатанным письмом в руке. Дети сразу притихли, но уже не так, как утром. Они следили за ним. За мной. За тем, что будет дальше.

— Совет требует вашей передачи, — сказал он, когда мы вышли в коридор.

Я прислонилась к стене.

— Уже?

— Им сообщили, что вы остались в приюте.

— Рау?

— Не только.

— И что вы ответили?

— Что до окончания внутреннего расследования вы находитесь под моей личной защитой как свидетель.

— Кем именно?

— Свидетелем, которого Совет пока не имеет права забрать.

— Нет, правда. Я из подозреваемой стала неудобной свидетельницей?

— Очень временной.

— Это повышение?

— Это отсрочка.

— Всё равно звучит лучше, чем камера.

Он посмотрел на меня.

— Не радуйтесь. Теперь вы официально интересуете Совет не только как виновная, но и как источник неудобных сведений.

— С этого момента они будут торопиться, — добавил он.

— А торопящиеся враги делают две вещи: ошибаются или убирают свидетелей.

— Предпочту первый вариант.

— Я тоже. Поэтому не оставайтесь одна.

— То есть раньше меня хотели закрыть, а теперь могут захотеть убрать?

Арден помолчал.

— Я бы предпочёл, чтобы вы не формулировали это при детях.

— Я не при детях.

— Но рядом с открытой дверью.

Я обернулась.

У щели общей комнаты стояла Соль.

Она тут же попятилась, но я успела увидеть её лицо. Не просто испуганное. Решившееся.

— Соль? — позвала я.

Она замерла.

Арден сделал шаг назад, чтобы не нависать над ней. Я заметила это движение и почему-то запомнила.

— Ты что-то хотела?

Девочка прижимала кулак к груди.

— Можно... полотенце?

Просьба была явно выдуманна. Полотенца лежали в общей комнате на полке.

— Конечно, — сказала я. — Пойдём вместе?

Она покачала головой.

— Ты.

Я не сразу поняла.

Потом она протянула мне маленькую ладонь.

Не раскрытую. Сжатую.

Я присела перед ней.

Соль посмотрела на Ардена. Потом на меня. Потом очень быстро вложила что-то мне в руку и сжала мои пальцы по-

верх.

— Не здесь, — прошептала она.

И убежала обратно в комнату.

Я осталась на корточках посреди коридора с чужой тайной в ладони. Арден смотрел на меня, но не требовал показать сразу. Это было новым. Вчера он бы приказал. Сегодня ждал, пока я сама решу.

Я медленно разжала пальцы.

На ладони лежал обрывок тёмно-зелёной ткани.

Старый. Потрёпанный. Будто оторванный от внутренней стороны одежды, которую долго прятали.

На нём серебряной нитью был вышит родовой знак: раскрытое драконье крыло вокруг маленькой звезды.

Арден резко побледнел.

— Что это? — спросила я.

Он не ответил сразу.

Только закрыл мою ладонь своей, скрывая ткань от коридора, от дверей, от стен и, возможно, от всего приюта.

— Это знак дома, который официально не имеет детей, — сказал он тихо.

Из общей комнаты донёсся голос Соль, едва слышный, дрожащий:

— Это было пришито к моей рубашке, когда меня принесли. Госпожа Рау сказала, что если я покажу, колокол заберёт не только имя. Он заберёт меня.

За стеной что-то коротко скребнуло по камню, и Арден

впервые не стал делать вид, что старые здания просто шумят по ночам.

Ректор, который слышит ложь

— Он заберёт меня.

Соль сказала это из общей комнаты, но мне показалось, будто её голос прозвучал прямо у меня под кожей.

Я стояла на корточках посреди коридора, с обрывком тёмно-зелёной ткани в ладони, которую Арден накрыл своей рукой. Его пальцы были горячими. Не просто тёплыми — горячими так, словно где-то под кожей у него медленно ворочалось пламя. Он не сжимал мою ладонь больно, но движение было однозначным: спрячьте. Немедленно. Не дайте увидеть стенам.

Соль исчезла за щелью двери, но я всё ещё видела её лицо. Бледное, с разными глазами, со страхом, который не должен был помещаться в пятилетнем ребёнке. Она только что сделала страшное для себя: показала взрослым вещь, за которую её годами пугали исчезновением.

И теперь ждала, что колокол придёт.

Я поднялась слишком быстро. Голова закружилась, и Арден тут же поддержал меня за локоть. Коротко, почти резко, как человек, которому некогда быть мягким, но который всё равно не даёт упасть.

— Соль, — позвала я.

Из комнаты не ответили.

— Не идите к ней сразу, — сказал Арден тихо.

Я повернулась к нему.

— Она боится, что сейчас исчезнет.

— Поэтому нельзя бр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.